

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АЛТАЙ

В КРУГУ ЕВРАЗИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Ответственные редакторы
академик РАН *А.П. Деревянко*
академик РАН *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2016

УДК 903.27(4/5)
ББК Т4(051)26-4 + Т4(2Р53-4Ал)26-4 + Т493.415
А521

Р е ц е н з е н т ы

доктор исторических наук *Е.И. Деревянко*
доктор исторических наук *А.И. Соловьев*
кандидат исторических наук *С.Г. Скобелев*

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-28-00045)*

Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Мо-
А521 лодин. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. — 624 с.

ISBN 978-5-7803-0265-0

В коллективной монографии, посвященной 70-летию со дня рождения известного российского археолога В.Д. Кубарева, дается оценка его научного наследия, приводятся воспоминания о нем отечественных и зарубежных археологов, рассматриваются научные проблемы, связанные с поиском, датированием, интерпретацией археологических памятников и находок. В центре научных интересов авторов — проблемы археологии Алтая и сопредельных регионов от эпохи бронзы до Средневековья. Особое внимание уделяется наскальному искусству.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, краеведов.

Altai among the Eurasian antiquities / editors-in-chief A.P. Derevyanko,
V.I. Molodin. — Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 2016. — 624 p.

ISBN 978-5-7803-0265-0

The collective monograph dedicated to the 70th anniversary of the birth of the famous Russian archaeologist V.D. Kubarev evaluates his scientific heritage; publishes memoirs of him from the Russian and foreign archaeologists; considers scientific problems related to searching for, dating and interpreting the archaeological monuments and finds. The authors' research interests focus on the problems of archaeology of Altai and neighboring regions from the Bronze Age to the Middle Ages. Special attention is given to the rock art.

The publication is intended for archaeologists, ethnographers, local lore specialists.

УДК 903.27(4/5)

ББК Т4(051)26-4+Т4(2Р53-4Ал)26-4+Т493.415

ISBN 978-5-7803-0265-0

© Коллектив авторов, 2016
© ИАЭТ СО РАН, 2016

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что реконструкции являются важным видом познавательной деятельности, материализованным воплощением наших знаний о предметах, некогда полезных и красивых, но в настоящее время практически утраченных. Есть и другая функция у реконструкций — коммуникативная: передача полученных знаний, ибо никакие описания не заменят визуального впечатления от предмета.

Е.В. Степанова

4.7. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время

Наборы поясной фурнитуры, состоящие из обойм и пряжек и происходящие из погребений раннескифского времени, которые открыты археологами в восточных областях расселения кочевых племен, неоднократно привлекали внимание исследователей. Рассматривая эти наборы, археологи иногда называют их боевыми поясами, считая их, вероятно, по аналогии со скифскими, деталями защитного вооружения [Таиров, 2004, с. 140]. Однако едва ли такие пояса функционально сопоставимы с находками в Причерноморье железных, состоящих из панцирных пластин, настоящих боевых поясов, которые способны защитить воина от поражения. Ремни, украшенные надетыми на них металлическими, иногда ажурными или выполненными в зверином стиле обоймами, скорее, являются парадными атрибутами воина, возможно, указывающими на статус владельца. На материалах пазырыкской культуры это хорошо показано В.Д. Кубаревым [1987, с. 79–82; 1991, с. 85–91; 1992, с. 81–83]. Пространный экскурс о роли пояса в кочевой культуре дан также в работе Д.В. Черемисина, который привел разные мнения на эту тему [2008, с. 39–41], а В.Н. Добжанский посвятил наборным поясам монографию [1990]. Исследователи показали важное значение этих атрибутов, которые помимо утилитарной выполняли большую знаковую функцию. Соответственно, правильнее называть их воинскими парадными поясами, которые являлись также портупеей для подвешивания горита, а иногда и другого оружия. В данном разделе находки таких поясов и их фрагментов в памятниках раннескифского времени рассматриваются с учетом новых (в том числе неопубликованных) материалов, предлагается реконструкция их устройства и вновь делается попытка обратиться к этим атрибутам как хроноиндикаторам древностей эпохи ранних кочевников.

Комплекты металлической фурнитуры, украшавшей поясные и портупейные ремни, найдены в трех могилах погребально-поминального комплекса Аржан-2 — «царского» кургана алды-бельской культуры Тувы. Они обнаружены в сопроводительных погребениях 20 и 26, а также в основном захоронении (рис. 165, А–В). В «царской» могиле 5 под северо-восточной стеной сруба под остатками горита было расчищено скопление золотых обойм, пряжек и ворворок, лежавших *in situ*. Еще один набор из шести обойм и ременного наконечника происходит из ритуального «клада» 2 (рис. 165, Г).

В памятниках Тувы ранее были найдены еще три поясных набора — в могильниках Демир-Суг II, Сыпучий Яр и Усть-Хадынныг I [Виноградов, 1980, с. 63, рис. 1, 13; Семёнов, 2001, с. 169, рис. 2, 8–10, 12, 13]. В разграбленной моги-

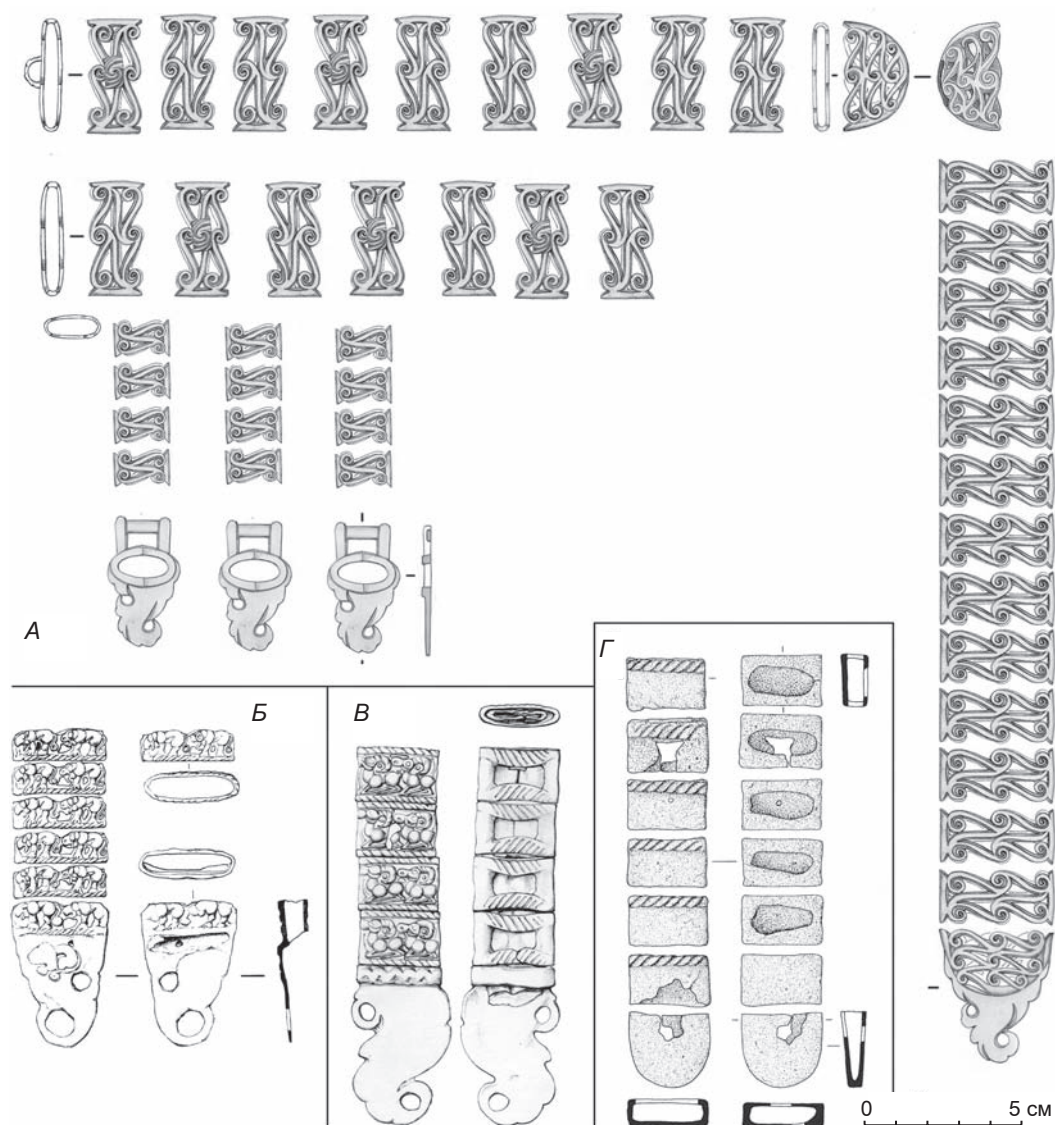

Рис. 165. Фурнитура поясов из комплексов кургана Аржан-2.

А – обоймы, пряжки и наконечники ремней широкого пояса из могилы 5 (основное погребение); Б – часть обойм и наконечник ремня из могилы 20; В – обоймы и наконечник ремня из могилы 26; Г – обоймы и наконечник ремня из «клада» 2. (Рисунки В. Ефимова, М. Никитиной и Р. Бороффка).

Рис. 166. Фурнитура поясов из могильника Усть-Хадынныг I. (Рисунок К.В. Чугунова).

1 – обойма из могилы 1 кургана 6; 2–4 – часть обойм, пряжка и наконечник ремня из могилы 3 кургана 4.

ле 1 кургана 6 последнего могильника (раскопки А.В. Виноградова 1977 г.) обнаружены фрагментированные обоймы еще одного пояса (рис. 166, 1). О широком распространении традиции ношения таких атрибутов у носителей алды-бельской культуры свидетельствуют единичные находки поясных обойм в ограбленных захоронениях. Узкая обойма с орнаментом в виде витой веревочки обнаружена в могиле 3 кургана 4 могильника Копто [Чугунов, 2007, с. 85, ил. 12, 7]. Фрагмент ажурной Х-образной обоймы найден в погребении 6 кургана 21 могильника Алды-Бель I [Грач, 1980, рис. 83, 7]. Возможно, что своеобразная крестовидная обойма из могилы 1 Хемчик-Бома V тоже входила в поясной набор [Грач, 1980, рис. 110, 5]. Недавние исследования в долине р. Эрбек также позволили обнару-

жить несколько таких находок: обоймы Х-видных очертаний найдены в могильнике Кара-Чоога-3 и Эки-Оттуг-1 [Килуновская и др., 2015, с. 208, рис. 25, 3]. Кроме того, при исследовании Южно-Сибирской экспедицией Эрмитажа еще одного «царского» погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I обнаружено в настоящее время еще три пояса с наборными обоймами и подвесами (раскопки К.В. Чугунова 2010 – 2012 гг.).

Другой регион, где эта категория предметов широко представлена в памятниках раннескифского времени, — урало-казахстанские степи. На основании находок в памятниках Южного Зауралья и Казахстана А.Д. Таиловым и С.Г. Боталовым было предложено разделение известных поясных наборов на две хронологические группы [Боталов, Таиров, 1996, с. 131]. Ко второй, более поздней, группе ими отнесены пояса с Х-видными обоймами. Общая линия развития этих воинских атрибутов А.Д. Таирову представляется следующим образом: «VIII – VI вв. до н.э. — время распространения поясов с прямоугольными обоймами с разнообразным оформлением лицевой и оборотной сторон. Во второй половине VI в. до н.э. появляются пояса с Х-образными обоймами, но бытуют они непродолжительное время — до начала V в. до н.э. включительно» [Таиров, 2004, с. 144]. Челябинский исследователь, представивший исчерпывающее описание почти всех известных на то время случаев обнаружения наборных поясов [Там же, с. 140–145; 2007, с. 151–156, рис. 37, 38], учитывает для первой группы пять комплектов поясной фурнитуры в комплексах Южного Зауралья и четыре — в Центральном Казахстане. К этой же ранней группе он относит и пояса из Аржана-2 [Таиров, 2007, рис. 38].

П.И. Шульга, открывший несколько представительных комплексов с поясной фурнитурой в предгорьях Алтая, продолжил и во многом развил исследования этих атрибутов [Шульга, 2008, с. 104 – 118]. В частности, им убедительно реконструирован ремешковый тип пояса, распространенный у кочевников раннескифского времени Восточного Приаралья, Казахстана и Алтая [Там же, с. 112 – 114]. Кроме того, для дальнейших хронологических построений важное значение имеет высказанное им предположение об ограничении времени бытования второй группы поясов с Х-видными обоймами первой половиной VI в. до н.э. [Там же, с. 115]. Думаю, с ним можно согласиться, учитывая очевидное типологическое развитие такой формы в бабочковидные поясные бляшки, которые появляются уже во второй половине этого столетия. Возможно, переходной формой между двумя типами стали сплошные серебряные обоймы пояса из могильника Пьяный Яр, которые имеют ступенчатые выемки, придающие им Х-образные очертания [Таиров, 2004, с. 143, рис. 2, 1]. От обойм второго типа их отличает отсутствие прорезей. Именно такие обоймы найдены сейчас в Туве — в поздних алды-бельских курганах, исследованных Тувинской экспедицией ИИМК в долине р. Ээрбек [Килуновская и др., 2015, с. 208, рис. 25, 3].

Вместе с тем реконструкция ношения парадных воинских поясов, предложенная П.И. Шульгой на основании находок в Гилево Х, требует корректировки. Сохранность ремней пояса в могиле 12 позволила провести расчет его длины, которая составила 110 см [Шульга, 2008, с. 109, рис. 79]. При этом исследователь полагает, что концы пояса завязывались встык посредством ремешков, продеваемых в отверстия фигурной пряжки, которая располагалась на правом конце ремня [Там же, рис. 82, 9a]. Однако даже с учетом того, что пояс мог надеваться поверх шубы, такая

длина ремня чрезмерно велика. Кроме того, отверстия в пряжке слишком малы и неудобны для продевания в них ремешков. Реконструкция осложняется еще тем, что на всех памятниках Тувы, как и в Гилево X, фурнитура поясов найдена в могилах только рядом с погребенными. К сожалению, в комплексах из Центрального Казахстана и Южного Зауралья, где пояса зафиксированы непосредственно на погребенных, в наборах фурнитуры, как правило, отсутствуют пряжки или наконечники ремней (за исключением вновь открытых комплексов — см. ниже). Это не позволяет провести точный расчет длины ремня при отсутствии кожаной основы, которая не сохранилась. Расположение обойм на поясе в таких случаях равномерно разреженное, примерно через равные промежутки (пояса из Тасмолы II и Нурмамбета IV [Кадырбаев, 1966, с. 343, рис. 49]; Алыкпаша [Хабдулина, 1994, табл. 20] и Иртыша-14 [Таиров, 2007, рис. 41]). Не исключено, что здесь пояса действительно соединялись встык при помощи ремней, связанных узлом. Однако отметим, что тогда концы их должны были бы свободно свисать вниз. Комплексы Тувы дают иное размещение обойм и в случае полных комплектов здесь, как правило, обязательны так называемые пряжки или наконечники ремней. Пояс из могилы 12 Гилево X уникален для своего региона, так как расположение обойм на нем характерно именно для алды-бельских комплексов, поэтому реконструкция его должна опираться на тувинские материалы.

Найденные в Туве пояса обычно сохранялись только фрагментарно — там, где на них были надеты обоймы из бронзы. Они, как указано выше, лежат рядом с погребенным и вместе с оружием. Вероятно, это был статусный атрибут, поэтому количество надетых на ремень обойм могло иметь значение. В большинстве случаев найдены фрагменты поясов, включающие пряжку и несколько обойм, надетых вплотную без промежутков. В могиле 3 кургана 4 могильника Усть-Хадынныг I у стоп погребенного сохранилась часть ремня, на который за фигурной пряжкой было надето 9 обойм (см. рис. 166, 4). Еще две, узкие (рис. 166, 2), найдены вне этого фрагмента. Кроме того, указанный пояс включал фигурную пряжку с рамкой (рис. 166, 3), которая могла располагаться на подвесном ремне (в статье [Виноградов, 1980, рис. 1] опубликована не вся фурнитура). Пряжка с такими же, как в Усть-Хадынныге I, четырьмя обоймами украшала пояс из могилы 26 Аржана-2 (см. рис. 165, В). Так же были надеты четыре обоймы, найденные в могиле 1 кургана 4 Сыпучего Яра. Здесь изделия были декорированы с обеих сторон. Набор портупейно-поясной фурнитуры из могилы 2 этого же кургана выделяется из общего ряда, хотя лежал там же, где обычно располагались эти атрибуты, — за спиной погребенного подростка. Здесь для украшения ремня использовались семь накладных S-видных блях, которые крепились с помощью двух кнопок-шпеньков. Три из них имели вертикальные петли на лицевой стороне. Кроме них набор включал две подковообразные портупейные пряжки с головами верблюдов и одну бляху в виде кабана с горизонтальной петлей на обороте. Последняя могла надеваться только на вертикальный ремень, и можно предположить, что она украшала подвес к поясу, который, возможно, заканчивался стержневидной застежкой, найденной здесь же [Семёнов, 2001, с. 167, рис. 3, 12–22]. Фрагмент еще одного пояса с пряжкой и двумя ажурными обоймами (аналогичными по стилистике обоймам из могилы 5 Аржана-2) происходит из могилы 1 кургана 1 могильника Демир-Сут II. Тут же найдена и пряжка с рамкой, вероятно, от подвеса к ремню.

Полный поясной набор обнаружен за спиной скелета 1 в могиле 20 Аржана-2 (см. рис. 165, Б). Фурнитура пояса включала фигурную пряжку, 19 обойм и стержневидную застежку-«костылек». Поскольку пряжка с надетыми сразу за ней вплотную друг к другу 15 обоймами была перевернута, а затем, через 40 см, располагались еще три обоймы, тоже вплотную, но ориентированные фигурами зверей в противоположную сторону, и через 20 см от них — еще одна, то расположение этого представительного набора реконструируется достаточно уверенно. Пояс лежал на дне могилы с загнутым внутрь концом с пряжкой и обоймами. Это наблюдение позволяет утверждать, что длина пояса была не менее 90 см, а если ремень на свободном от обойм участке сложился петлей, то значительно больше.

Самый представительный набор портупейно-поясной фурнитуры найден в основном захоронении в Аржане-2. Здесь под горитом и чеканом было расчищено скопление золотых обойм, пряжек и ворворок (рис. 167). Ажурные обоймы, образованные четырьмя сопряженными между собой S-видными фигурами на каждой стороне, были двух размеров — более крупные $4,0 \times 1,8$ см (29 экз., на 6 экз. на одной из сторон имелись вертикальные петли) и поменьше — $3,3 \times 1,3$ см (42 экз.). Кроме того, здесь найдено 12 малых обойм, образованных двумя сопряженными между собой S-видными фигурами на каждой стороне; 12 крупных ворворок (диаметр основания 2,3 см) с изображениями баранов; три пряжки в виде овального кольца и отходящей от него с одной стороны рамки трапецевидной формы, а с другой — плоской фигурной пластины, а также стержневидная застежка с навершием в виде стоящего барана, с петлей на обороте; подковообразная порту-

Рис. 167. Детали пояса и портупеи *in situ*. Аржан-2, могила 5. (Фото К.В. Чугунова).

пейная пряжка с головами орлов и двумя шпеньками на обороте, рядом с которой лежали две ворворки. Одна из них была покрыта изображениями головы барана. С большими обоймами по ширине соотносятся пряжка в виде полукруглой в плане ажурной обоймы с отходящей от нее плоской фигурной пластиной и такой же полукруглый наконечник ремня, у которого вместо фигурной пластины была прорезь в торцевой части (см. рис. 165, А).

Еще ряд комплексов с поясной фурнитурой стал известен уже после раскопок Аржана-2 и публикации работ, в которых описаны эти атрибуты. В 2008 г. был исследован курган 3 в могильнике Кичигино I в Южном Зауралье [Таиров, Боталов, 2010; Таиров, 2015]. Здесь был открыт представительный и очень богатый комплекс, содержащий детали от наборного пояса. В отличие от других находок этих атрибутов в Зауралье, здесь присутствует массивная пряжка, оканчивающаяся пластиной в виде сложного завитка. Фурнитура включала также десять обойм с двусторонним изображением противопоставленных голов сайгаков, восемь обойм с таким же односторонним декором, двумя обоймами на узкий ремень от подвеса со щитком в виде стоящего кошачьего хищника, с портупейной пряжкой с протомами верблюдов и прочими многочисленными составными деталями подвесов. В 2009 — 2010 гг. в Центральном Казахстане раскопаны погребения элитного могильника Талды-2, где в кургане 5 обнаружены восемь золотых обойм и наконечник от парадного пояса [Бейсенов, 2011, с. 4]. Обоймы по очертаниям аналогичны найденным в могильнике Пьяный Яр и в долине Ээрбека, а у двух из них на лицевой стороне сделаны вертикальные петли. Одна из обойм имеет прорезь для подвеса в нижней части, а наконечник, крепившийся при помощи штифта, оканчивается плоской лопастью. Еще одно погребение с поясной фурнитурой изучалось в 2009 г. западнее г. Темиртау — в могильнике Тегисжол [Варфоломеев, 2011]. Найденный здесь набор состоял из шести фигурных и семи прямоугольных обойм с выступом. Фигурные изделия декорированы с обеих сторон симметричными выступами в виде завитка, расположенными перпендикулярно относительно обоймы. Отметим, что оба вида обойм из этого комплекса имеют разные размеры, предполагающие использование ремней различной ширины, что, по-видимому, указывает на присутствие в погребении двух поясов.

Наборный пояс, украшенный не менее представительным комплектом фурнитуры, найден в 2010 г. в могиле 3 погребально-поминального комплекса Чингетэй I в Туве (рис. 168). Комплексы сопроводительных погребений этого памятника датируются несколько позже Аржана-2 — началом VI в. до н.э. [Чугунов, 2011а]. На более позднюю дату указывают и обоймы пояса, относящиеся ко второй группе (с X-видными ажурными обоймами) по С.Г. Боталову и А.Д. Таирову. Ремень положили за спиной погребенного воина, во всю длину, что облегчает установление его длины. За фигурной бляхой вплотную надеты десять обойм, под последними лежал «костылек». Вблизи, через 8 см, найдена одна обойма и фигурная пряжка от подвеса, далее — еще две обоймы, также расположенные через промежутки в 8 см. Еще через 15 см найдена следующая обойма. Далее на поясе располагалась подковообразная портупейная бляха, крепившаяся к ремню при помощи двух кнопок на обороте. В прорези ремня сохранился фрагмент портупейного ремешка с ворворкой, на котором был закреплен горит, положенный рядом. За бляхой через 5 — 6 см были найдены еще две обоймы. С учетом того, что последняя обойма не могла располагаться на самом конце, общая длина пояса составляла не менее 140 см.

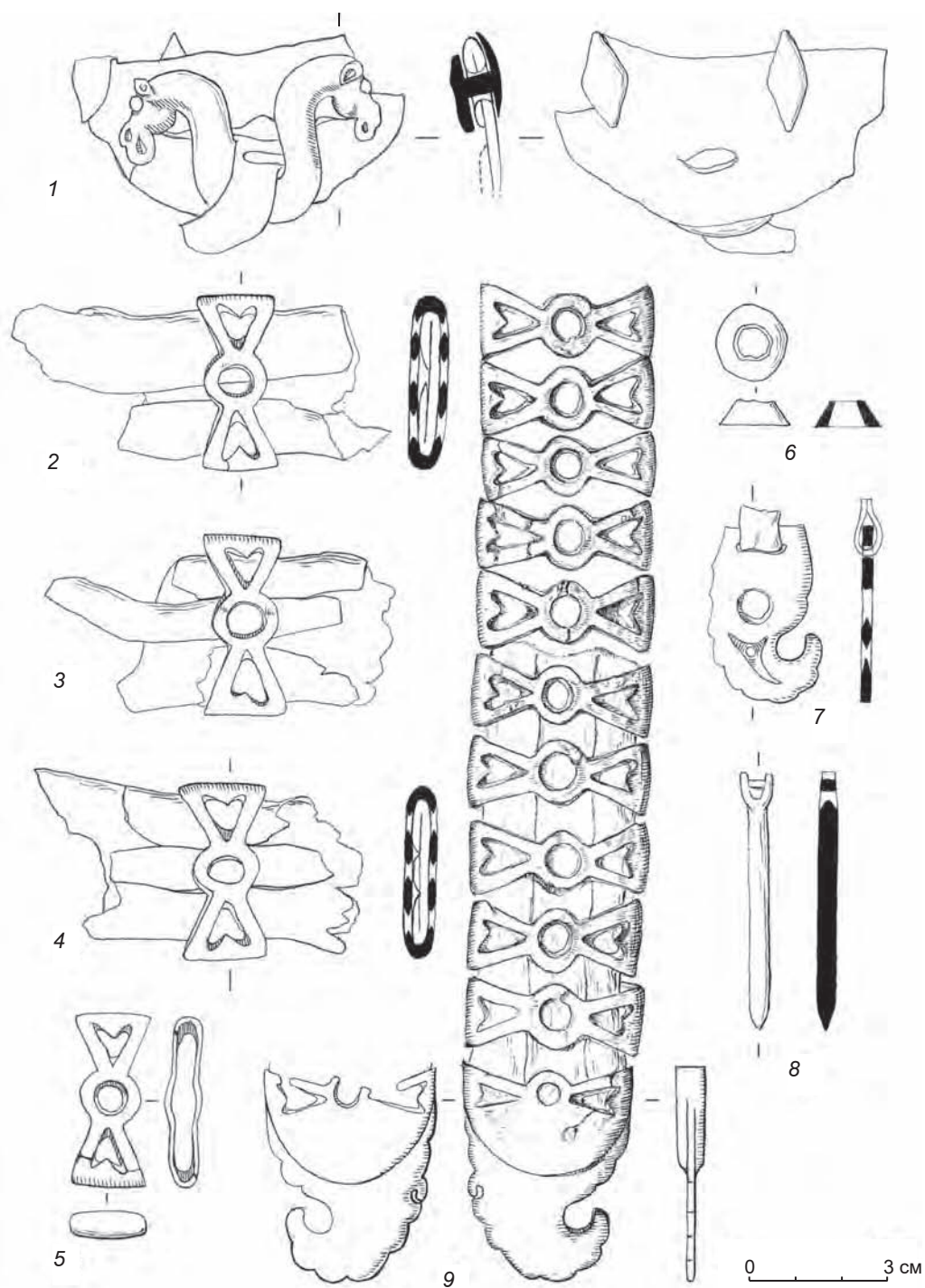

Рис. 168. Фрагменты пояса из могилы 3. Чинге-Тэй I. (Рисунок Н. Балабан).

В могиле 4 этого же памятника также были найдены части парадного пояса (рис. 169, 170). Кожа окрашенных в красный цвет ремней здесь сохранилась фрагментарно, а с учетом того, что ремень не был расправлен, его длину установить невозможно. Пояс имел окончание с наконечником и восемью художественными обоймами, надетыми вплотную к нему. Эти обоймы выполнены в виде парных фигур противопоставленных хищников, причем на двух сторонах звери показаны головой в противоположных направлениях. Кроме данного фрагмента, на пояс были надеты еще три обоймы, прижимавшие дополнительный узкий ремень. Портупейная система включала две пряжки с протомами ланей, закрепленные на ремне с помощью шпенька.

Принимая во внимание все наблюдения, сделанные при расчистке и разборке основного погребения в Аржане-2, мы предложили вариант внешнего вида парадных поясов [Pozdnjakov, 2010, S. 213, Abb. 225]. Д.В. Поздняков рассчитал их длину на основании полевых чертежей и предположения, что все детали сохранили первоначальное положение. Длина широкого пояса составила 170 см, узкого — 190 см. При этом, поскольку широкий пояс включал ряд из 13 обойм и пряжки, надетых вплотную, что составляло довольно жесткую конструкцию длиной 29 см, исследователь реконструировал свисающий конец пояса с пряжкой, которая в данном случае является наконечником ремня (рис. 171). Такая конструкция парадных поясов действительно наиболее вероятна. Она объясняет рассмотренные выше случаи находки обойм, надетых вплотную друг к другу, а также тот факт, почему ремни имеют избыточную длину. Кроме того, заметим, что обоймы, декорированные в зверином стиле с обеих сторон, при наличии в одном наборе фурнитуры обойм с односторонним декором, зафиксированы именно около наконечника ремня. Вероятно, так украшали свисавший конец пояса.

Подтверждение такой реконструкции устройства и способа ношения парадных воинских поясов получено уже после публикации работы Д.В. Позднякова, когда в 2012 г. в могиле 5 Чинге-Тэя I был найден пояс с уникальной сохранностью кожи (рис. 172, 173). Благодаря пустому пространству, сохранившемуся в каменном ящике из плит, почти все кожаные детали пояса, положенного вместе с горитом и плетью перед грудью погребенного, уцелели. Можно допустить, что разложился лишь небольшой участок левого (по отношению к погребенному, на котором он был надет) окончания ремня, который имеет неровный край. Ремень пояса изготовлен из полосы кожи, сложенной вдвое. Он не был прошит и фиксировался только с помощью обойм, часть из которых удерживали на лицевой стороне дополнительный узкий ремешок.

Ширина пояса в сложенном виде — 3,5 см. Обоймы на ремне различаются как по внешнему виду, так и функционально (рис. 174, А). На правый конец ремня были вплотную друг к другу надеты семь художественных обойм с парными изображениями баранов и фигурный наконечник с двумя отверстиями. Общая длина этого участка — 18,5 см. Через 15 см располагалась узкая обойма с выступом для дополнительного ремешка. Через 13 см на ремне была надета еще одна такая же обойма. Далее через 7 см на пояс была надета портупейная обойма стрелевидной формы с пустой прорезью внутри. Еще через 7 см от нее располагалась узкая обойма с выступом, после которой следующая такая же обойма помещалась только через 28 см. В 12 см далее на поясе находилась еще одна портупейная

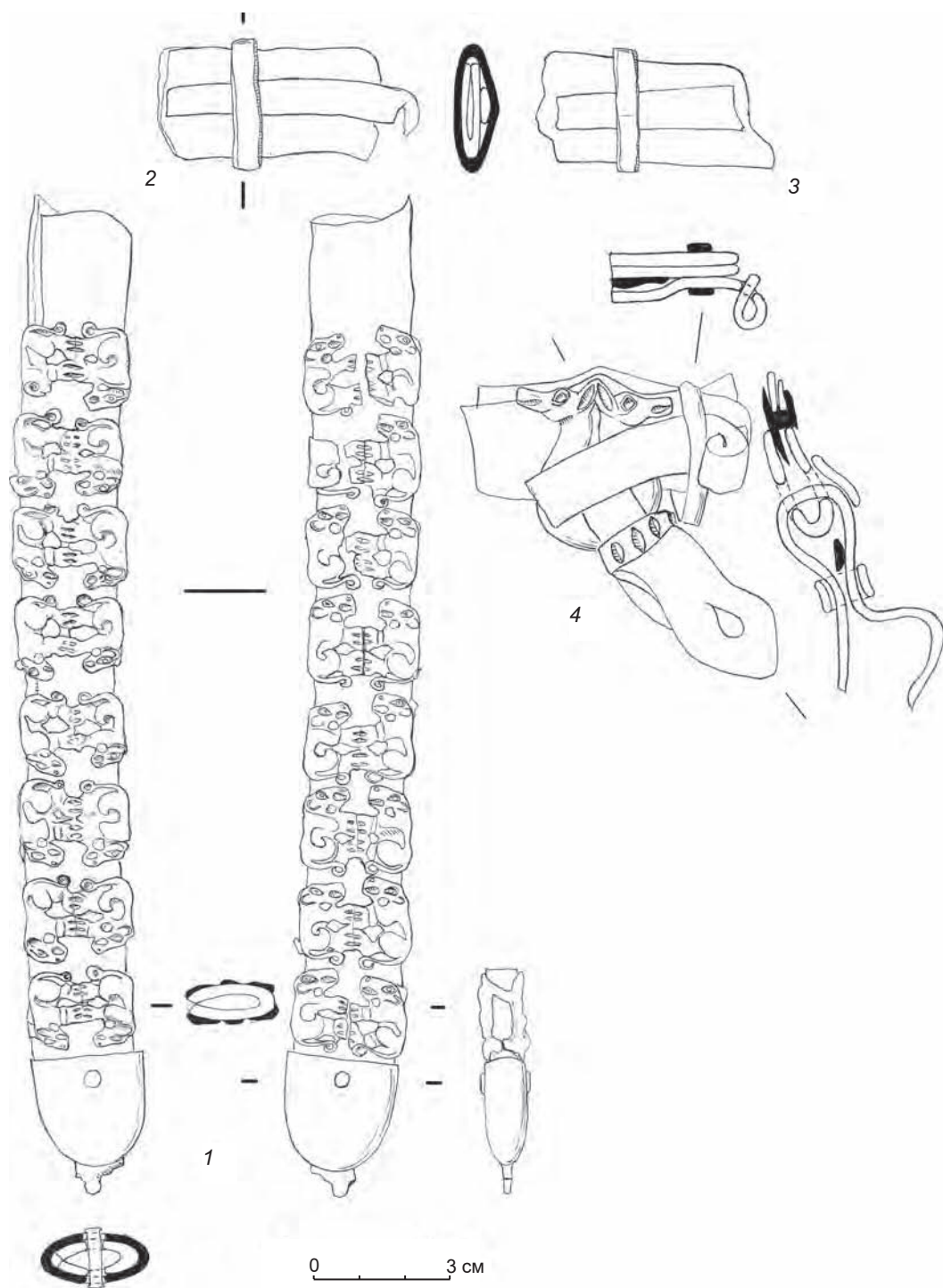

Рис. 169. Фрагменты пояса из могилы 4. Чинге-Тэй I. (Рисунок Н. Балабан).

Рис. 170. Фрагменты пояса из могилы 4. Чинге-Тэй I. (Фото К.В. Чугунова).

Рис. 171. Реконструкция костюма погребенного в могиле 5 Аржана-2. Автор Д.В. Поздняков (по: [Pozdnjakov, 2010]).

Рис. 172. Чинге-Тэй I, могила 5. (Фото В. Никифорова).

Рис. 173. Пояс *in situ*. Чинге-Тэй I, могила 5. (Фото В. Никифорова).

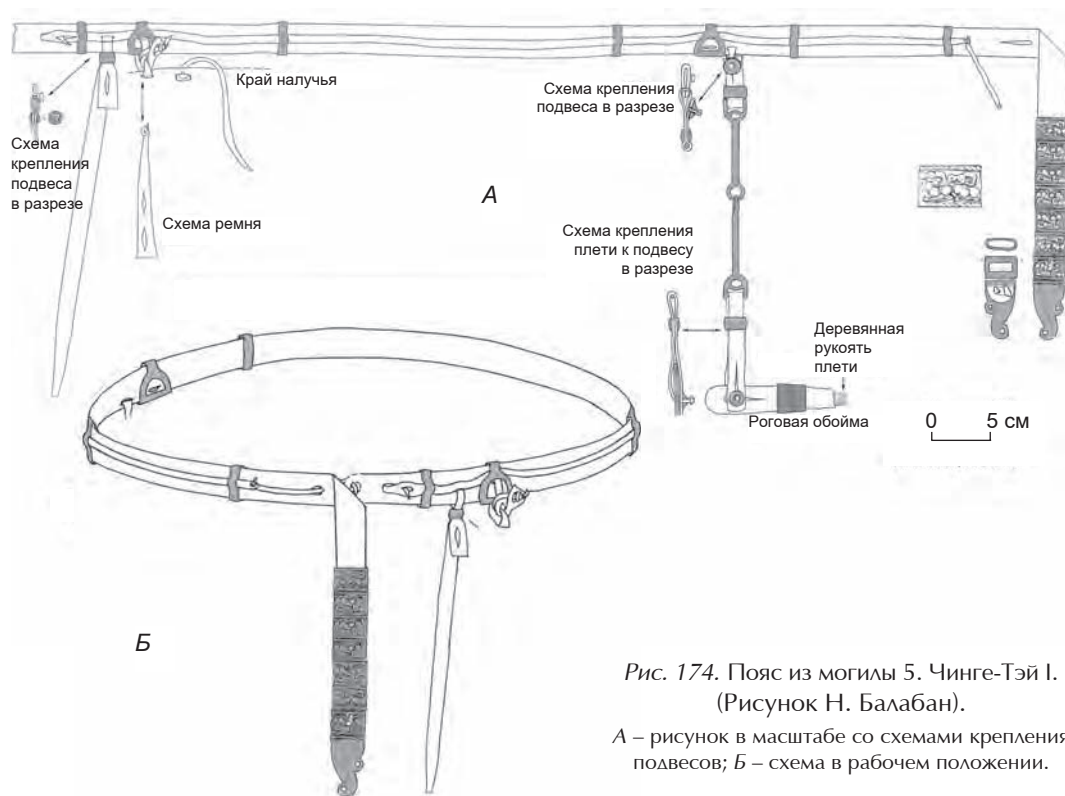

Рис. 174. Пояс из могила 5. Чинге-Тэй I. (Рисунок Н. Балабан).

А – рисунок в масштабе со схемами крепления подвесов; Б – схема в рабочем положении.

обойма, на которой был закреплен горит. После нее, на расстоянии в 5 см, располагалась крайняя узкая обойма с выступом, от которой в 5,5 см заканчивался левый край ремня.

Таким образом, общая длина пояса от окончания фигурного наконечника с правой стороны до сохранившегося левого края составляла 111 см. Дополнительный узкий ремешок имел длину 72 см. Слева он зафиксирован продеванием конца в прорезь, сделанную вдоль ремешка, непосредственно перед крайней узкой обоймой с выступом. За самой правой такой обоймой ремешок надвязан еще одним тонким узким ремешком длиной в 6 см. В 4 см от его правого окончания в двойном широком ремне сделана продольная прорезь длиной 3 см.

Помимо прорезей, оформленных портупейными обоймами, пояс имеет еще два подвеса, закрепленных на основном ремне. Слева от обоймы с подвешенным горитом в отдельную прорезь вставлен плоский ремень, имеющий ширину 1,5 см и зафиксированный у нижнего края пояса круглой бочонковидной обоймой. Короткий (4 см) конец этого подвеса, расширяющийся до 2 см, имеет продольную прорезь-петлю, длинный (32 см), наоборот, сужается к окончанию, он мог вставляться в петлю для закрепления какого-либо предмета. Еще один подвес располагается справа от второй портупейной обоймы. Здесь к поясу подвешены бронзовые удила со стремевидными окончаниями и дополнительным кольцом внутри. Ремешок, зафиксированный на удилах прямоугольной обоймой, был вставлен в прорезь в нижней части пояса и пристегнут при помощи ворворки, закрепленной на его же конце узелком. В нижнее свисающее окончание удила также вставлен ремешок, зафиксированный такой же обоймой и с такой же ворворкой на окончании. Эта ворворка была пропущена в петлю на окончании рукояти плети, от которой сохранился фрагмент деревянной рукояти, обшитой кожей и имеющей роговую обойму на конце.

Конструкция данного пояса однозначно решает вопрос о наличии у кочевников раннескифского времени традиции носить эти атрибуты со свисающим вниз концом, украшенным обоймами, надетыми вплотную, и фигурным наконечником (рис. 174, Б). Кроме того, получают иное объяснение дополнительные петли и петлевидные выступы, имеющиеся у ряда обойм многих наиболее полных комплектов, включая широкий пояс из Аржана-2. Они фиксировали дополнительный узкий ремень, проходящий по всей длине пояса. Такой ремень нужен был не только для подвешивания чего-либо (что также было удобно), но и для соединения пояса. Дополнительный ремешок продевался в петлю широкого ремня и фиксировался на левой стороне при помощи тонкого надставленного конца, соединяя весь пояс. При помощи него могла происходить и регулировка длины пояса. Если учесть, что у рассмотренного пояса, скорее всего, не сохранилась левая часть, то на этом окончании широкого ремня можно предположить наличие петли, которая могла совмещаться с петлей в широком ремне перед свисающим концом. Надставленный ремень, продетый в эти отверстия, соединял весь пояс. Прочность и качество сыромятной кожи вполне способны были выдержать нагрузку тяжелых подвешенных к поясу предметов, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные. Но надо иметь в виду, что зафиксированные выше размеры ремней изначально могли быть несколько длиннее, так как кожа имеет свойство со временем как растягиваться, так и сжиматься.

Столь подробное описание данной находки необходимо, чтобы получить представление не только о конструкции самого пояса, но и о подвесах, которые были весьма разнообразны. В частности, использование удил для подвешивания плети выглядит достаточно неожиданно. Однако можно представить, что такая длинная подвесная конструкция, вероятно не удобная для пешего, всаднику позволяла стимулировать лошадь плетью, не отстегивая ее от пояса. Возможно, многосоставные подвесы более богатого пояса из Кичигино I могли предназначаться для такого закрепления атрибутов. Этот пояс, более подробно опубликованный в недавней статье А.Д. Таирова [2015], несомненно, был аналогичной конструкции. Его окончание с фигурным наконечником и вплотную надетыми обоймами с двусторонним изображением голов сайгака должно было свободно свисать вниз. Остальные обоймы имели одностороннее изображение и свободно располагались на ремне. Поскольку выступов и петель на них нет, то не исключено, что закрепляться пояс в данном случае мог не с помощью дополнительного ремешка, а каким-то иным способом. Возможно, роль своеобразной пряжки мог выполнять найденный рядом трехчастный предмет с фигурой хищника и протомой лошади, выполненной в виде крюка [Таиров, 2015, рис. 3, 6, фото 11–13].

Конечно, не исключено, что мог бытовать и способ соединения концов пояса встык, о чем как будто свидетельствует фигурная пряжка из Демир-Суга II, имеющая на обороте кнопку-шпенек. Однако, возможно, что и это изделие, происходящее из ограбленного комплекса, могло входить в состав фурнитуры подвеса. Все остальные так называемые пряжки, зафиксированные на окончании ремня с обоймами, правильнее называть наконечниками. Иногда такие наконечники могли использоваться и без обойм, что позволяет предложить вариант интерпретации бронзового предмета с изображением фигуры кабана из могилы 25 Аржана-2, первоначально принятого за бутероль ножен ножа.

Второй пояс в основном погребении Аржана-2 — стрелковый, предназначался для ношения горита (рис. 175). Наконечников ремня, относящихся к этому более узкому поясу, в наборе нет. Длина его в 190 см реконструирована на основании многократно повторяющегося интервала между обоймами в 4,5 см. Д.В. Поздняков предполагает, что он обертывался вокруг талии дважды (см. рис. 171), а оставшиеся концы скреплялись подковообразной пряжкой. Она, таким образом, являлась одновременно и застежкой, и кольцом для подвешивания горита [Pozdnjakov, 2010, 213, Abb. 225]. Однако не исключено, что такая длина позволяла носить тяжелый парадный горит через плечо.

Хронологический потенциал парадных поясных наборов отмечается многими исследователями, которые их подробно анализировали [Боталов, Таиров, 1996, с. 131–138; Таиров, 2004, 2007, с. 151–156; Шульга, 2008, с. 104–118]. Верхняя хронологическая граница парадных поясов с надетыми на ремни обоймами достаточно определена — это время появления поясов с бабочковидными бляхами. Как справедливо считает П.И. Шульга, последние генетически связаны Х-видными обоймами второго типа [Шульга, 2008, с. 115], соответственно, верхняя дата — середина VI в. до н.э. с возможным незначительным допуском второй его половины. По-видимому, она совпадает с прекращением существования адды-бельской культуры. Показательно, что фрагмент бабочковидной бляхи, найденный при исследовании участка дуги ритуальных сооружений к юго-востоку от Аржана-2 вне определенно-

Рис. 175. Детали портупей после удаления большинства обойм пояса и наконечник пояса с обоймами *in situ*. Аржан-2, могила 5. (Фото К.В. Чугунова).

го контекста, кардинально отличается по составу металла от остальных бронзовых изделий комплекса.

Сложнее определить нижнюю границу возникновения традиции. По-видимому, обычай украшения поясов металлическими деталями имел довольно продолжительную предысторию, не отразившуюся в археологическом материале. Эти атрибуты могли украшаться кожными аппликациями, вышивкой и т.п. Самый ранний комплекс, включающий фрагмент пояса с обоймами и фигурным наконечником, — погребение 3 кургана 4 могильника Усть-Хадынныг I. Этот памятник может датироваться в пределах первой половины VII в. до н.э. на основании набора стрел и чекана, имеющего достаточно ранние признаки. Но декор поясных обойм, оформленных в виде парных фигур баранов, имеет точные аналогии в Аржане-2 и в одной из могил Чинге-Тэя I, что означает устойчивость традиции на протяжении всей алды-бельской культуры. Все остальные памятники хронологически определяются VII — первой половиной VI в. до н.э., т.е. здесь мы сталкиваемся с обычной проблемой микрохронологии раннескифского времени.

На мой взгляд, эту проблему можно попытаться преодолеть, обратившись к рассмотрению портупейных систем, непосредственно связанных с поясами. П.И. Шульга наметил предварительную типологию портупейных обойм и пряжек, разделив их на четыре типа [2008, с. 117, 118]. В первый тип им включены стремечко-видные обоймы с прорезями для ремня (рис. 176, 9, 10), ко второму отнесены такие

обоймы подквадратной формы (рис. 176, 13), к третьему — обоймы с отверстиями на выступе в нижней части (рис. 176, 8, 11). В четвертый тип предложено выделить подковообразные пряжки со шпеньками для крепления к поясу (рис. 176, 1–7). Эту группировку можно использовать для дальнейших рассуждений, несколько ее уточнив⁶⁴.

Представляется, что четвертый тип, по П.И. Шульге, является самым архаичным, он имеет свою историю развития. Несколько подковообразных изделий известно из могильников Синьцзяна и датируются в пределах раннескифского времени [Шульга, 2010, с. 74, 75, рис. 78, 12–14]. Еще одна подковообразная пряжка входила в представительный набор фурнитуры парадного пояса из погребения в Кичигино I (рис. 176, 3). Она имеет несколько более вытянутые пропорции, с зооморфно оформленными окончаниями. Изображения по характерному хохолку можно определить как головы верблюдов, а не лошадей, как почему-то указано в публикации [Таиров, Боталов, 2010, с. 346, рис. 3, 5]. Пока в Южном Зауралье это единственный экземпляр такого изделия, который справедливо сопоставляется с находками из Тувы и Алтая.

Действительно, подобные изделия обнаружены в предгорьях Алтая — в комплексе могилы 32 в Гилёво X [Шульга, 2008, с. 118, рис. 19, 1, 2] и в кургане 14 Быстрянского некрополя [Завитухина, 1966, с. 62–64, рис. 3, 4]. В ограбленном погребении этого некрополя вместе с пряжкой найдены две обоймы, выполненные под влиянием ремешковых поясов, а также серьга с конусом, четырехгранный втульчатый наконечник стрелы с двумя опущенными гранями, имитация клыка кабарги из кости, железный нож и золотая бляшка в виде скребущего хищника [Завитухина, 1966, с. 62–64, рис. 3]. Наконечник стрелы соотносится с типом 1С2 по классификации стрел Аржана-2, однако вогнутые грани напоминают экземпляр типа 1В2 из позднего колчана могилы 25. В этом же захоронении Аржана-2 найдена и подвеска в виде клыка кабарги, аналогичная быстрянской. Типичная серьга усиливает сходство с алды-бельским комплексом, который является позднейшим в Аржане-2 [Чугунов, 2011б, с. 330]. В Гилёво X зафиксирован случай использования подковообразных пряжек в качестве двучастной застежки подпруги. Здесь найден представительный комплекс конского снаряжения, в том числе удила и псалии с крюковидно-пропущенным способом соединения.

Алтайские памятники с такими пряжками по имеющимся материалам нет оснований датировать более узко, нежели в пределах второй половины VII — середины (скорее, начала) VI в. до н.э. В то же время предположение П.И. Шульги о том, что поясная фурнитура развивалась под влиянием металлических деталей конского снаряжения и была по отношению к нему вторичной [2008, с. 104], заслуживает пристального внимания. В этом ключе показательно, что древнейшим прообразом подковообразных пряжек может выступать двухчастная подпружная застежка из кургана 55 Южного Тагискена, найденная вместе с очень архаичным набором стрел, цельнолитым уздечным комплектом и бляшками, украшенными ромбовид-

⁶⁴ В тексте данного раздела для первого типа указано — «стремчовидные или трапециевидные обоймы» [Шульга, 2008, с. 117], однако, судя по иллюстрациям, имеются в виду изделия именно стремчовидной формы. Кроме того, обоймы трапециевидной формы (рис. 176, 12, 13) должны быть помещены во второй тип, вместе с подквадратными, так как встречаются совместно с ними в комплексах уюкско-саглынской культуры [Чугунов, 2007, рис. 11, 6; 20, 1].

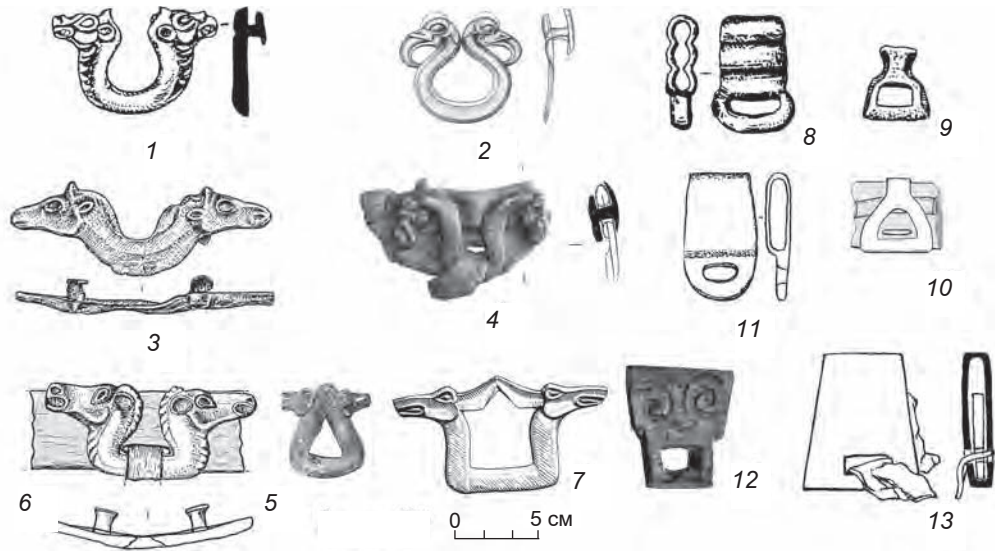

Рис. 176. Португейные пряжки и обоймы.

1 – Сыпучий Яр, курган 1, могила 2 [Семенов, 2001]; 2 – Аржан-2, могила 5 (рисунки В. Ефимова); 3 – Кичигино I, курган 5, могила 1 [Таиров, 2015]; 4 – Чинге-Тэй I, могила 3 (раскопки К.В. Чугунова 2010 г.); 5 – Чинге-Тэй I, могила 4 (раскопки К.В. Чугунова 2011 г.); 6 – Чкаловка (Гос. Эрмитаж); 7 – Куйлуг-Хем I, курган 9 [Грач, 1980]; 8 – Уйгарак, курган 14 [Вишневская, 1973]; 9 – Тасмола II, курган 1 [Кадырбаев, 1966]; 10 – Чинге-Тэй I, могила 5 (раскопки К.В. Чугунова 2012 г.); 11 – Кызык-Телань-1, курган 6 [Шульга, 2008]; 12 – Эки-Оттуг-1, курган 2, могила 2 [Дорога..., 2015]; 13 – Догээ-Баары II, курган 15 (раскопки К.В. Чугунова 1996 г.).

ными солярными знаками [Итина, Яблонский, 1997, рис. 47]. Датировка этого комплекса, по мнению авторов публикации, не выходит за пределы VII в. до н.э. [Там же, с. 67], но, судя по типологическому набору наконечников, включающих крупные двухлопастные стрелы (в том числе — с ромбовидной формой пера), едва ли позже самого начала этого столетия.

В настоящее время большинство подковообразных пряжек найдено именно в памятниках Тувы. Кроме Аржана-2, такие изделия происходят из раскопок А.В. Адрианова на р. Бегирэ; из могильника Сыпучий Яр (2 экз. в составе фурнитуры одного пояса — рис. 176, 1); в двух могилах погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I (из них — 2 экз. в составе одного пояса (см. рис. 169, 4; 176, 5) и 1 экз. на другом (см. рис. 168, 1; 176, 4)); в кургане 9 могильника Куйлуг-Хем I (2 экз. — рис. 176, 7) [Кызласов, 1979, с. 74, рис. 61, 9; Семёнов, 2001, рис. 1, 13, 14; Грач, 1980, рис. 87].

Последний из перечисленных памятников отнесен А.Д. Грачом к саглынской культуре [Грач, 1980, с. 124], однако большой набор стрел, происходящий из этого комплекса, характерен для поздних алды-бельских памятников и может быть датирован в пределах первой половины VI в. до н.э. Кроме колчанного набора в ограбленном погребении найдены золотая серьга с конусом, золотые накладки (в том числе в виде фигурного завитка), две пряжки с рамкой, четыре накладки со шпеньком на обороте в виде головы лани и две подковообразные пряжки с парными головками ланей. Пряжки и накладки, по-видимому, входили в комплект фурнитуры одного парадного пояса.

Остальные памятники также алды-бельские. В кургане на р. Бегирэ вместе с пряжкой найдена серьга с гранулированным конусом и запятовидными кастами на нем. Могильник Сыпучий Яр своеобразен по обряду, но по всем материалам, включающим зеркало с бортиком, набор стрел, «клад» конского снаряжения с трехдырчатыми псалями, фурнитуру от трех поясных наборов, датируется ранним этапом алды-бельской культуры. Вл.А. Семёнов считает, что комплексы Сыпучего Яра датируются не позже рубежа VII – VI вв. до н.э. [Семёнов, 2001, с. 170]. Могила Чинге-Тэя I по содержащимся в них большим стрелковым наборам и «кладу» узды ранее датировались началом VI в. до н.э. [Чугунов, 2011а].

В Туве пряжки этого типа найдены в комплексах алды-бельской культуры. Однако такая пряжка встречена в комплексе, который может считаться уюкско-саглыным. Пряжка с фрагментом ремня поступила в Эрмитаж в составе набора вещей, происходящего, по словам дарителя, из ограбленного кургана в районе пос. Чкаловка (см. рис. 176, б). Этот памятник был доисследован археологической экспедицией под руководством Н.Н. Николаева и, судя по особенностям погребального обряда, может быть отнесен к раннему этапу уюкско-саглынской культуры. Если принять на веру комплектность всех переданных в музей предметов, то колчаный набор из шести черешковых трехлопастных наконечников является действительно уюкско-саглыным. Пектораль из тонкого золотого листа — типичный атрибут алды-бельских захоронений, но изредка встречается и в комплексах уюкского типа [Чугунов, 2007, ил. 15, 1], что может указывать на переходный характер памятника. В этом случае датировать его можно в пределах второй половины VI в. до н.э.

По серии имеющихся в нашем распоряжении изделий можно попытаться проследить трансформацию морфологических особенностей подковообразных портупейных пряжек, поставив в начале ряда относительно более ранние из них, и в конце — наиболее позднюю. Пряжки из Аржана-2, Сыпучего Яра, из кургана на р. Бегирэ отличаются общей округлостью внутреннего проема. Особенно показательно сравнение очертаний пряжек, оформленных одним и тем же образом — головами верблюдов. Изделие из наиболее позднего комплекса уюкского типа имеет между протомы этих животных проем трапециевидной формы, в отличие от пряжек из Сыпучего Яра, проем у которых плавной каплевидной формы. По этому признаку в относительно позднюю группу попадают пряжки из обоих комплексов Чинге-Тэя I, причем изделия из могилы 4 отличаются еще и наименьшими размерами во всей серии. Возможно, прямое или округлое очертание нижней части, на которую опирается портупейный ремень, имеет хронологическое значение в морфологии пряжек. По этому признаку изделие из могилы 3 с узким, но округлым в основании проемом (рис. 176, 4), несколько более архаично по отношению к пряжкам пояса из могилы 4⁶⁵ (рис. 176, 5). Пряжки из Куйлуг-Хема I выделяются из всей серии общей прямоугольностью очертаний, что, вероятно, свидетельствует об их относительно поздней датировке, подтвержденной представительным колчаным набором, включающим трехгранные втульчатые наконечники.

Можно предположить, что подковообразные пряжки с трапециевидным проемом привели к появлению новой формы этих предметов — портупейным обоям

⁶⁵ Заметим, что в могиле 3 был найден пояс с Х-видными обоями, а в могиле 4 — с обоями, декорированными с обеих сторон парными фигурами кошачьих хищников, что указывает на определенный период сосуществования атрибутов обоих типов.

стремевидной формы (первый тип по П.И. Шульге). Именно такие изделия надеты на описанном выше поясе из могилы 5 Чинге-Тэя I (см. рис. 174, 176, 10). Но принципиальным отличием предметов двух типов является способ их закрепления на поясе. Крепление при помощи шпеньков у подковообразных пряжек едва ли могло трансформироваться в обойму, пусть и очень сходной формы. Не исключено, что стремевидные портупейные обоймы появились на поясах кочевников Тувы в начале VI в. до н.э. в результате влияния традиций извне. Такой способ подвешивания оружия к поясу, безусловно, более надежный, мог быть заимствован под влиянием третьего (по типологии П.И. Шульги) типа обойм — с петлей в нижней части или отверстием в специальном выступе (рис. 176, 8, 11).

Третий тип обойм никогда не встречается вместе с обоймами другого типа. В памятниках Тувы такие изделия пока не зафиксированы. Они обнаружены на Алтае в могильнике Кызык-Телань и в кургане 12 могильника Майкубень-3. В последнем случае узкие обоймы с петлями найдены в сочетании с колчанным крюком, который, в отличие от других аналогичных изделий, здесь действительно использовался для подвешивания колчана [Бейсенов, 2001, с. 67 — 71, рис. 1, 2]. Так называемые колчанные крюки появились в памятниках Саяно-Алтая только во второй половине VI в. до н.э. и связаны со становлением уюкско-саглыньских традиций в Туве и пазырыкских на Алтае. В предшествующий период они были известны в Южном Зауралье и далеко на западе — на Нижнем Дону и в Степном Прикубанье [Рябова, 2003, с. 118 — 120]. Соответственно, служить прототипом для стремевидных обойм изделия из алтайских комплексов не могли.

Однако обоймы с петлей в нижней части известны в раннесакское время в памятниках Центрального Казахстана и Приаралья. Комплексы, где найдены такие изделия — курган 1 могильника Тасмола VI [Кадырбаев, 1966, с. 333 — 335, рис. 28, 7], курган 37 Южного Тагискена [Итина, Яблонский, 1997, с. рис. 24, 3] и курган 14 Уйгарака [Вишневская, 1973, табл. III, 1], — могут быть датированы по уздечным комплектам не позже VII в. до н.э. Причем обойма, найденная в Уйгараке (рис. 176, 8), предусматривала использование ее и еще двух (с выступающими шпеньками в нижней части) на поясе, состоящем из трех отдельных ремешков. Не исключено, что именно для ремешковых поясов такой способ крепления портупей и был придуман.

В памятниках Казахстана зафиксированы стремевидные обоймы в поясных наборах второго вида. Пояса с Х-видными обоймами появляются здесь, как и в Туве, в самом начале VI в. до н.э., и курган 1 могильника Тасмола II нужно датировать по набору стрел именно так. Трехгранный втульчатый наконечник, на который ссылаются исследователи, допуская начало V в. до н.э. как верхнюю хронологическую позицию [Таиров, 2007, с. 153], был найден среди костей погребенного и может быть инокультурным. Кроме того, такие же наконечники появляются именно в начале VI в. до н.э. Так же может быть датирован, вероятно, и комплекс с серебряной поясной фурнитурой из Пьяного Яра. Вместе с тем именно в поясных наборах казахстанско-зауральских кочевников впервые появляются прямоугольные и трапециевидные обоймы. Больше всего их найдено в комплексах Южного Зауралья, которые датируются в пределах VII — VI вв. до н.э. [Таиров, 2007, рис. 37]. Однако такая же встречена и в Центральном Казахстане [Кадырбаев, 1966, рис. 39, 1]. Важно подчеркнуть, что в памятниках Саяно-Алтая портупейные обоймы прямоугольных и трапециевидных очертаний (второй тип — по П.И. Шульге) являются

обычной принадлежностью поясов, начиная с середины VI в. до н.э. В сочетании с крупными ворворками и крюками они составляют портупейную систему уюкско-саглынской культуры [Чугунов, 2007, ил. 11, 6, ил. 20, 1, 13], встречаются на Средней Катунь [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 230, рис. 49, 1], а в пазырыкских поясах эти предметы, выполненные в дереве, выступают в качестве декоративных накладок на ремень [Кубарев, 1987, с. 79 – 82; 1991, с. 85 – 91; 1992, с. 81 – 83; Полосьмак, 1994, с. 38, рис. 32]. Прослеживается эволюция именно этих блях в тюркские поясные наборы [Азбелев, 2010, с. 301], что ранее кратко отмечал и В.Д. Кубарев [1987, с. 82]. Присутствие такого рода изделий в наборных поясах раннескифского времени может, вероятно, свидетельствовать о сравнительно поздней дате включающих их комплексов. Думаю, что датировать такие наборы следует не ранее VI в. до н.э.

Подводя итоги рассмотрению портупейных пряжек и обойм, можно предложить схему их эволюции (рис. 176). Наиболее ранним типом являются подковообразные пряжки округлых очертаний с двумя шпеньками на обороте. В начале VI в. до н.э. они видоизменяются — проем для ремня приобретает стремевидную или подтреугольную форму, нижняя часть утрачивает округлые очертания. Не исключено, что этот процесс происходит под влиянием вошедших в употребление стремевидных обойм. Такие обоймы в середине VI в. до н.э. трансформируются в трапецевидные и прямоугольные, с прорезями для ремня в нижней части. Они используются в Туве и на Алтае уже без наборной фурнитуры парадных поясов раннескифского времени. Портупейная обойма, сохранившая рудиментарные признаки различных более ранних типов, найдена в кургане 2 могильника Эки-Оттут I, относящегося к раннему этапу уюкско-саглынской культуры [Дорога..., 2015, с. 158, рис. 8]. Нижняя часть такой обоймы специальными уступами сужена вокруг прорези для ремня, что вызывает ассоциацию с петлей, а выше прорези на поверхности контррельефом нанесено изображение, напоминающее очертаниями подковообразную пряжку (рис. 176, 12).

Регион, где портупейные обоймы используются вместе с наборными поясами уже в памятниках VII – VI вв. до н.э., — Южное Зауралье и Казахстан — можно считать, вероятно, исходным для этой традиции крепления портупей. Немаловажно, что там же в комплексах, датированных не позже первой половины VI в. до н.э., встречены и колчаные крючки [Таиров, 2007, с. 43, 21; Samašev et al., 2002, Abb. 28, 2, 3], которые появились в Туве в комплекте с прямоугольными и трапецевидными обоймами. Происходит это уже в рамках формирования уюкско-саглынского комплекса, сохраняющего на раннем этапе многие черты субстратного населения предшествующей эпохи.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на присутствие рядом двух парадных поясных наборов, на погребенном в «царской» могиле Аржана-2 был надет еще один пояс или кушак. На это указывает находка рядом с его бедром ножен с акинаком и ножами, а также оселок, обнаруженный под крестцом. Причем металлическая фурнитура была надета только на портупейные ремни для закрепления оружия и других подвесов. Сам же несохранившийся кушак не был украшен. Очевидно, его могли носить постоянно, что еще раз указывает на особое значение парадных поясов для кочевников, выполнявших, вероятно, определенную знаковую функцию.

К.В. Чугунов